

ВОССТАНИЕ: ИНТЕРПРЕТАТИВНАЯ МАТРИЦА СЮЖЕТА

В.И. Карасик

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, научный проект № 19-012-00609 А «Современная российская аксиосфера: семантическая и прагматическая трансформация русского культурного кода».

Аннотация. Предложена интерпретативная модель события в виде когнитивной матрицы сюжета на материале концепта «восстание». Когнитивная матрица представляет собой понятийное, образное и ценностное отражение события в его вариантах развертывания, дискурсивных жанрах и типажном восприятии. Понятийный аспект восстания как вооруженного социального протеста представляет собой объяснение причин, типичных сценариев и вариантов развития восстания; образно-перцептивный аспект состоит в описании ситуаций борьбы восставших с представителями власти и в характеристике лидеров восстаний; образно-метафорический аспект сводится к уподоблению восстания огню; ценностный аспект восстания показывает отношение к восстанию со стороны власти, восставших и наблюдателей. Дискурсивное воплощение сюжета «восстание» преимущественно представлено в мемуарах, художественной литературе и в научных трудах по истории, социологии, политологии. Поэтическое осмысление восстаний насыщено символами.

Ключевые слова: когнитивная матрица; интерпретация; концепт; понятие; образ; ценность; дискурс.

Введение

Любой сюжет можно представить в виде набора вероятных вариантов его развития. Такой набор представляет собой сюжетную матрицу, включающую множество сюжетных линий, соотносимых с функциями, которые были описаны В.Я. Проппом в его классическом труде «Морфология волшебной сказки» [1]. Развитие каждой сюжетной линии в свою очередь обусловлено последовательностью сюжетных мотивов в ней, минимальных тематических и динамических единиц сюжета [2–4].

Так, например, путешествие предполагает подготовку к нему, уход или отъезд из дома, получение новых впечатлений, возможное столкновение с незапланированными трудностями, встречи с новыми людьми, изменение представлений о мире и о себе, возвращение домой. Сюжетные линии туристических походов, научных экспедиций, паломничества к святым местам, военных и грабительских набегов и других разновидностей расширения пространства имеют некоторое сходство и определенные различия. Общий матричный сценарий путешествия мо-

жет быть представлен в виде условной модели, включающей пять векторов объяснения: понятийный, образно-перцептивный, ценностный, дискурсивный и персональный. Иначе говоря, мы характеризуем обстоятельство сюжета (понятие как набор признаков события и его перцептивный образ как целостное восприятие), нормы поведения его участников, тип дискурса, в котором обычно раскрывается этот сюжет, и типы личностей, которые в нем проявляются. Эта схема соотносится со стандартной моделью описания лингвокультурных концептов (понятие – образ – ценность) [5, 6] и в этом плане является попыткой развития концептологии [7–10], но включает дискурсивный план описания сюжета [11, 12] и тип личности, участвующей в событии [13, 14]. За рамками нашего рассмотрения остаются предметные и качественные концепты, поскольку сценарное измерение относится только к событиям и участвующим в них персонажам.

Основная часть

Представляет интерес сценарное моделирование социальных конфликтов. Возникла и активно развивается междисциплинарная область знаний о конфликтах – конфликтология, предметом изучения которой являются психологические и социальные характеристики возникновения, развития и завершения столкновений между людьми [15–17]. Такие столкновения регулярно происходят в обществе в силу разнонаправленности интересов разных социальных групп, характеризуются высоким эмоциональным накалом, имеют типовое поливариантное строение и дают возможность охарактеризовать изменения приоритетов эпохи в их коммуникативном проявлении. К числу таких социальных конфликтов относится восстание. В Большом толковом словаре русского языка С.А. Кузнецова восстание – это массовое вооруженное выступление угнетенных слоев общества против существующей власти. Природа, факторы и разновидности восстаний детально изучены и описаны в истории, политологии, социологии, юриспруденции, философии. Лингвокультурные характеристики восстания в этом плане относятся к наивной картине мира, определяющей наше повседневное бытие.

В понятийном аспекте противопоставляются стихийные и подготовленные, мелкие и крупные, успешные и подавленные восстания. В русском языке семантическое поле «восстание» структурируется в направлениях «революция» (подготовленное крупное успешное) и «бунт», «мятеж» (стихийное мелкое подавленное). Обратим внимание на четкое позиционирование тех, кто определяет этим понятием данное событие: со стороны угнетенных это восстание и революция, со стороны угнетателей – мятеж и бунт. Причина протеста – угнетение, т.е. ущемление чьих-либо прав, интересов, ограничение чьей-либо свобо-

ды, притеснение. Выступление против власти проявляется как открытая демонстрация недовольства, несогласия, стремление свергнуть несправедливую власть. Важными смысловыми признаками, которые характеризуют восстание как вид протеста, являются определители «массовое» и «вооруженное». Внутренняя форма слова «восстание» в русском языке прозрачна: противостояние, «мятеж» связаны со смутой и смятением (с позиций власти это – нарушение порядка), «бунт» – заимствование из польского, в который оно попало из немецкого со значением «союз», т.е. заговор против власти; в английском языке *uprising* – это подъем и распрямление тех, кто находился внизу, *rebellion* восходит к латинскому *re + bellum* (возобновление войны), в китайском иероглифе 反抗 [*fan kang*] соединены идеи отодвигающей руки и сопротивления чему-либо.

Образы восстания сводятся к массам разгневанных бегущих вооруженных людей, к столкновениям восставших с полицией и войсками, к расправам над угнетателями, к казням бунтовщиков. Образные характеристики восстания раскрываются в текстовых фрагментах, воплощающих этот концепт, и в реакциях информантов, которым было предложено ответить на вопрос: «Что вы представляете себе, когда думаете о восстании?».

В текстовых фрагментах показаны смысловые уточнения восстания. Примеры взяты из Национального корпуса русского языка (ruscorpora.ru) и корпуса «Библиотека лексикографа» (сост. А.А. Бурыкин). Отметим, что перцептивные образы органически связаны с описанием понятийных признаков таких событий.

Охарактеризованы причины восстания:

Оправдывая восстание, историки легко отыскиали его причину – она заключалась в исконной тяге народа к социальной справедливости (А. Силаев).

Беседы в Москве помогли мне глубже понять, какие перемены произошли в России со времени первой революционной бури, первого взрыва народного возмущения, разразившегося в 1905–1907 годах. Как мучал пролетариат, нарастал революционный подъем масс, вызревало далеко идущее восстание против царского режима, приближался новый, второй взрыв народного негодования. Суровая зима 1917 года утроила лишения бедноты, особенно городской. Уже в январе голодные матери, настоявшись в очередях, стали громить булочные (Г. Софронов).

Основные причины народного массового гнева состоят в несправедливости общественного устройства и тех лишениях, которым подвергаются угнетенные группы общества.

Весьма частотны восстания против иноземного господства:

Его звали Георгий Кастриоти, он был венецианских корней, жил в пятнадцатом веке, принял ислам, потом отрекся от ислама, возгла-

вил восстание против турок, завоевал такую военную славу, что албанцы назвали его в честь великого Александра (Искандера): Скан-дер-бег (Д. Рубина).

8 мая 1753 года родился национальный герой Мексики, священник Мигель Идальго-и-Кастилья, в сентябре 1810 года поднявший и возглавивший вооруженное восстание против испанского владычества в Мексике (Б. Явелов).

В приведенных примерах можно увидеть исторические сведения о восстании албанцев против турецкой империи и национально-освободительного восстания мексиканцев против Испании.

Восстание в отличие от стихийного бунта требует подготовки:

Бланки представлял себе революцию как вооруженное восстание, осуществленное хорошо подготовленной конспиративной организацией, которая захватывает власть и осуществляет социальные преобразования от имени и в интересах народа даже против его воли (Ю. Николаев).

В дни декабрьской забастовки и восстания в Москве нас назначили в группу летучих агитаторов. С утра мы выходили на улицы рабочих предместий, следили, где собирался народ, вмешивались в споры, убеждали «держаться до конца», осведомляли о том, что делается на других заводах, в районах, в Москве. Такие летучки обычно были непродолжительны и опасны: по улицам разъезжали конные полицейские, казаки, драгуны, шныряли вольные и наемные сыщики, бродили и вынюхивали громилы. Не раз за нами гонялись охранители, и мы убежали от них во дворы домов, в переулки, смешивались с толпой (А. Воронский).

Восстание обычно сопровождается насилием:

Зная о приближении к Москве Лжедмитрия I, московские бояре подняли восстание и жестоко расправились с семьей Годунова: царищумать Марию удавили, отчаянно сопротивлявшегося Федора задушили, а его сестру, красавицу Ксению, заточили в монастырь (Т. Дорошенко).

Палитра очень широкая: забастовки, погромы с битьем витрин и поджогом личного транспорта, пикеты, патрулирование, наконец, праздник угнетенных – восстание (С. Есин).

Писатель славил народ, именем которого «творится революция». Но как только переходил Пильняк-художник к изображению мужицкого бунта, буйства плоти, хмельной крови инстинкта – менялась картина. Изображение приходило в резкое столкновение с апофеозом революции. «Поэт метели, – писал в те годы Полонский, – он (Пильняк) воспел еще и волка; второй, уже не космический, а звериный лик революции». Но понятая им как восстание зверя революция испугала самого Пильняка (Г. Белая).

Обратим внимание на то, что в насилии восставших осуществляется месть по отношению к тем, кто ущемлял их права.

В ряде случаев организаторы восстаний сталкиваются с инертностью населения, не желающего менять условия жизни:

Вот, например, что писал по этому поводу в 1901 году военный агент России в Афинах полковник Хольмсен: «Видимо, все дело заключается в том, что македонский комитет, желая вызвать восстание среди жителей, раздает оружие населению, которое, однако, о восстании и не думает» (Я. Вишняков).

Весьма часто восстания жестоко подавляются:

За смерть восьмилетнего Дмитрия казнили около 200 человек, а колоколу, созвавшему горожан на восстание, отрезали язык и сослали в Сибирь, он висел в Тобольском кремле (Л. Языкова).

Московское вооруженное восстание в декабре 1905 г. окончилось разгромом революционных рабочих, расстрелом Пресни и невероятными жестокостями в Москве и на путях к ней (Г. Зиновьев).

Контрреволюционное офицерство, предводительствуемое генералом Богдановичем, поддержанное кулацкими элементами, подняло в ночь на 17 июня антисоветское восстание. Мятежники арестовали руководителей партийной организации и губисполкома и начали восстанавливать в Тамбове старые порядки. Впрочем, слово «порядки» здесь вряд ли подходит: ненавидевшее советскую власть офицерье, нацепив на плечи царские погоны, бесчинствовало на улицах, грабило, убивало всех подозреваемых в симпатиях к большевикам (К. Еремин).

История свидетельствует о том, что подавление восстаний всегда сопровождается большим количеством казней и убийств.

При характеристике восстаний часто используется слово «попытка» как индикатор безуспешного финала этого общественного конфликта:

Восстание Емельяна Пугачева для башикир тоже было попыткой сбросить ярмо ненавистной царской власти (А. Иванов).

В это время глава племени Шейх Ахмад Барзани и его брат Молла Мустафа Барзани находились в ссылке в Сулеймании за попытку поднять в 1932 году восстание курдских племен и добиться создания нового государства – Курдистан. Восстание, конечно, было жестоко подавлено (В. Удилов).

Восстание может перейти в гражданскую войну с участием армии:

18 июля 1936 года радиостанция Сеуты (город, ныне испанский анклав в Марокко на юге Испании) передала условную фразу – сигнал к мятежу: «По всей Испании безоблачное небо», после чего началось возглавленное генералом Франсиско Франко и быстро переросшее в гражданскую войну вооруженное восстание против левого правительства Народного фронта, пришедшего к власти в Испании в результате убедительной победы на выборах в кортесы (испанский парламент) пятью месяцами ранее (Б. Явелов).

Зимой 1919/20 г. вспыхнуло кулацкое восстание в Бугульминском и ряде соседних уездов. На ликвидацию восстания по специальному

распоряжению командующего всеми вооруженными силами ВОВР В.С. Корнева были брошены три бригады войск внутренней охраны смежных областей. Однако подавить кулацкое выступление удалось не сразу (С. Калинин).

Описание восстаний, как можно видеть, существенным образом зависит от позиции наблюдателя, который либо солидаризируется с восставшими, либо с теми, кто подавляет вооруженное выступление против власти.

Понятийное определение восстания часто включает поиск уточняющих характеристик этого события:

В конечном итоге многочисленные вопросы, связанные с декабрьскими событиями, свелись к одному: что, наконец, произошло в Румынии – народное восстание или государственный переворот? (Н. Морозов).

Их трудно даже определить: что это – революция, бунт, восстание, попытка переворота? (В. Яковлев).

Происходящее в Боливии – не «оранжевая революция», а полноценное сепаратистское восстание, направленное на раскол страны (А. Поморцев).

Народное восстание противопоставляется государственному перевороту (путчу), осуществляемому не широкими массами, а группой лиц, приближенных к власти и решивших захватить ее. В наши дни появились уточняющие квалификации революций: «бархатная революция», осуществляемая с минимумом жертв (иногда ее называют «революция роз»), и «оранжевая революция», реализуемая с использованием определенных технологий зомбирования населения (по названию кризисного развития событий в Киеве).

В расширительном смысле концепт «восстание» (как и концепты «мятеж» и «бунт») характеризует эмоциональный протест против чего-либо:

А вот знаешь ли ты, что в Австралии в пятидесятые годы случилось первое гуманитарное восстание зеленых – они пожалели овец, которым во время стрижки причиняются немалые страдания (Е. Пищикова).

Теща хоть и молчала, но постоянно роняла посуду, то есть вносила посильную лепту в звуковое восстание (В. Аксенов).

Отмечено, что в результате восстаний неизбежно рушится и исчезает культурное наследие:

Ни война, ни вторжение соседних племен, ни восстание черни не повинны в исчезновении этой древней культуры (А. Голядин).

Позиция автора отчетливо видна в указании агентов восстания – черни.

Таким образом, в текстовых фрагментах уточняются перцептивно-образные и понятийные признаки восстания – его причины, проявление и последствия.

В реакциях информантов на стимул «восстание» прослеживаются отсылки к известным историческим событиям, его конкретные примеры (часто из кинематографии), упоминания имен известных лидеров восстаний: Спартак, Емельян Пугачёв, Степан Разин, декабристы, броненосец «Потемкин», Октябрьская революция, разгорелось, поднять, планета обезьян, площадь, переворот, протест, рабы.

Оценочные характеристики восстания представлены в паремиологии и афористике. Проанализированы текст Библии, словари пословиц В.И. Даля, В.П. Жукова, В.И. Зиминой, интернет-портал «Пословицы и поговорки народов мира», электронные корпуса афоризмов (сост. О. Ермишин, К. Душенко).

В Библии протест сурово осуждается:

Послушание лучше жертвы, и повиновение лучше тука овнов; ибо непокорность есть такой же грех, как волшебство, и противление то же, что идолопоклонство (Библия. 1 Царств, 15:22–23).

Приведенный текст иллюстрирует позицию власти. Эта же идея проводится в речении *Послушание паче поста и молитвы* (рус.).

Можно увидеть советы, адресованные власти. Они сводятся к рекомендациям не доводить народ до восстания притеснениями и поборами: *Угнетение приводит к восстанию* (лат.); *Победа делает царем, поражение – мятежником* (вьет.); *Судьба любит мятежников* (араб.).

Вместе с тем в пословицах отражены нормы поведения, относящиеся к тем, кто решился на восстание.

Подняв восстание, нельзя вернуться к прежнему положению дел: *Когда меч восстания обнажен, ножны должны быть отброшены* (англ.); *Нищие не боятся восстаний* (голл.) (К. Маркс образно выразил эту идею: *Пролетариям нечего терять, кроме своих цепей*).

Афористы поддерживают право угнетенных на восстание: *Человеческая история начинается с акта непослушания, что в то же время есть начало его освобождения и интеллектуального развития* (Эрих Фромм); *Когда все остальные права попраны, право на восстание становится бесспорным* (Томас Пэн); *Восстание против тиранов есть служение Господу* (Бенджамин Франклин); *Всякое восстание против чужеземных захватчиков – дело законное и есть первый долг каждого народа* (Стендаль); *Восстание не может существовать без чувства, что у вас есть на это право* (Альбер Камю).

Вместе с тем уточняются прагматические моменты вооруженного социального протеста: *Бедность порождает восстания и преступления* (Аристотель); *Восстание необходимо для развития характера* (Цинтия Войгт); *Небольшое восстание время от времени – это лекарство, необходимое для здоровья правительства* (Томас Джефферсон); *Корни восстаний – в безразличии и слабости правительств* (Майк Бар-

никл); *Дайте им хлеба и зрелищ, и они не будут бунтовать* (Ювенал); *Бунт – это язык тех, кого не услышали* (Мартин Лютер Кинг).

Приведенные речения обращены к представителям власти и содержат рекомендации не допускать бедности населения, проявлять внимание к простым людям и уметь справляться с протестами.

Афористы констатируют, что большинство людей по своей природе не склонны к восстаниям: *Чтобы поднять восстание, не требуется большинство, нужны только несколько решительных лидеров и основательная причина* (Генри Менкен); *Мы живем в виктимном обществе, где людям комфортнее быть жертвами, нежели защищаться* (Мэрилин Мэнсон).

Эти речения адресованы тем, кто намерен поднять народ на борьбу.

Вместе с тем терпение угнетенных не безгранично: *Самое забитое существо может пережить моменты ярости настолько сильной, что возникают порыв и восстание, пусть и ненадолго. У каждого внутри остается место для сопротивления* (Белл Хукс); *Склонность соглашаться рано или поздно приводит к восстанию. Желание счастья находится в прямом противоречии с желанием свободы* (Томас Джейн).

Уточняются характеристики допустимого и недопустимого протеста: *Восстание против короля можно простить, но тот, кто восстает против законов республики, заслуживает смерти* (Сэмюэл Адамс); *Право на восстание есть право на поиск более высокого служения, а не на блуждание в беззаконии* (Джордж Элиот).

Констатируется неизбежная жестокость восстаний: *Не приведи Бог видеть русский бунт – бессмысленный и беспощадный. Те, которые замышляют у нас невозможные перевороты, или молоды и не знают нашего народа, или уж люди жестокосердые, коим чужая головашка полушка, да и своя шейка копейка* (Александр Сергеевич Пушкин); *Хуже восстания может быть лишь то, что вызывает восстание* (Фредерик Дуглас).

Вывод из этих речений ясен: желательно не доводить народ до восстания.

Заслуживают внимания сентенции, оценивающие результаты восстаний: *Восстание против тирана аморально только тогда, когда не имеет шансов на победу* (Мюриэл Спарк); *Каждый успешный переворот называют революцией, а каждый неудачный – мятежом* (Джозеф Пристли). Известна старинная английская эпиграмма в переводе С. Маршака: *Мятеж не может кончиться удачей, в противном случае его зовут иначе*.

Критически оцениваются личности мятежников: *Настоящие мятежники редко что-то представляют из себя вне своего мятежа; у них не остается на это ни времени, ни сил* (Джеймс Коззенс); *Восстание само по себе не является добродетелью. Иначе у нас были бы герои*

на самых низких уровнях (Норман Томас); *Бунт марионеток* всегда привлекает публику (Аксимар Квилларди).

Эти речения можно рассматривать как выражение скептицизма по поводу результатов социальных революций: человеческая природа такова, что на смену прежним угнетателям неизбежно приходят новые, возглавившие борьбу с тиранами вначале и превратившиеся в тиранов впоследствии. Такой сюжет блестяще раскрыт в пьесе Е.Л. Шварца «Дракон».

Таким образом, в оценочных суждениях о восстании даны установки для власти и подчиненных, при этом акцентируется право подчиненных на протест, скептицизм по поводу результатов восстаний, осуждается жестокость и черствость власти, приводящая к восстаниям угнетенных, и даются советы, направленные на поддержание социального равновесия.

Дискурсивный аспект объяснения восстания состоит в описании типичных текстов, в которых выражено отношение к этому событию. Это нарративы о восстаниях, анализ их причин и типичного развития, а также осмысление восстаний в художественных текстах. Высокий эмоциональный накал таких событий, их значимость для общества закономерно приводят к тому, что эта тема закреплена в гражданской поэзии и песнях.

Осмысление сути социального протеста в его поэтическом сконцентрированном виде выражено в стихотворении Юрия Тарнопольского:

Да, мы из тех, кому всегда
Везде, в любой эпохе плохо,
Кого эпоха без суда –
Коленями на горсть гороха.

Кому насилие – гнойник,
Кому обманы – как короста,
Кому эпохи воротник
Ласкает шею как гаррота.

Да, верно, что и в добрый час
От массы щепень наш отколот,
Зато никто острее нас
Не чувствует эпохи холод.

Мы воткнуты то там, то тут
Во льды арктической культуры.
Мы – спирт живой. Замерзла ртуть.
По нам отсчет температуры.

Поэт создает обобщенный портрет тех, кто готов поднять восстание против угнетателей. Приводятся типичные образы страданий и пыток как причины протеста, дано весьма ироничное описание массового сознания тех, кто смирился с насилием (вечный лед), традиционный образ «пламя восстания» приобретает новое осмысление «спирт живой».

Владимир Маяковский по праву считается певцом революции:

Бейте в площади бунтов топот!
Выше, гордых голов гряда!
Мы разливом второго потопа
перемоем миров города.

Тема восстания как очищающего библейского потопа аллитеративно усилена в приведенном четверостишии. Восставшие ощущают себя посланцами, выполняющими великую миссию обновления мира. Не случайно лирический герой использует местоимение первого лица во множественном числе, это роевое мышление, по В.И. Тютю [12].

Тема победоносного восстания осмыслена Валерием Брюсовым как прорыв в будущее:

Но выше всех над датами святыми,
Над декабрем, чем светел пятый год,
Над февралем семнадцатого года,
Сверкаешь ты, слепительный Октябрь,
Преобразивший сумрачную осень
В ликующую силами весну,
Зажегший новый день над дряхлой жизнью
И заревом немеркнувшим, победно
Нам озаривший правый путь в веках!

Значим авторский эпитет «слепительный», свет противопоставлен тьме, весна – осени, юность – дряхлости. В иной тональности выражено отношение к восстанию в стихотворении Александра Блока:

– Все ли спокойно в народе?
– Нет. Император убит.
Кто-то о новой свободе
На площадях говорит.

– Все ли готовы подняться?
– Нет. Каменеют и ждут.
Кто-то велел дожидаться:
Бродят и песни поют.

– Кто же поставлен у власти?
– Власти не хочет народ.
Дремлют гражданские страсти:
Слышно, что кто-то идет.

– Кто ж он, народный смиритель?
– Темен, и зол, и свиреп:
Инок у входа в обитель
Видел его – и ослеп.

Он к неизведанным безднам
Гонит людей, как стада...
Посохом гонит железным...
– Боже! Бежим от Суда!

Восстание изображено как внешнее событие по отношению к лирическому герою. Прежняя власть свергнута, вожди и агитаторы восстания говорят о новой свободе, люди «бродят и песни поют», но при этом ощущается, что идет новая власть, беспощадный народный смиритель. Обратим внимание на слово «ослеп», в этом контексте свет становится губительным. Перед нами Страшный суд, от которого сбежать невозможно. Случайно или нет, этот текст ритмически перекликается с революционным маршем «Смело, товарищи, в ногу».

Восстание возникает как ответ на притеснение и далее развивается по сценарию, который образно изображен Максимилианом Волошиным:

Я синим пламенем пройду в душе народа,
Я красным пламенем пройду по городам.
Устами каждого воскликну я «Свобода!»,
Но разный смысл для каждого придам.
Я напишу: «Завет мой – Справедливость!»
И враг прочтет: «Пощады больше нет»...
Убийству я придам манящую красоту,
И в душу мстителя вольется страстный бред.
Меч справедливости – карающий и мстящий –
Отдам во власть толпе... И он в руках слепца
Сверкнет стремительный, как молния разящий, –
Им сын заколет мать, им дочь убьет отца.

Восстание неизбежно пробуждает темные силы толпы. Торжествует безумие, «страстный бред», борьба за свободу, за справедливость переходит в вакханалию убийства. И затем появляется новый тиран, восстанавливающий порядок.

Революционные марши отмечены образами струящейся крови. Таков припев «Марсельезы», самой знаменитой песни Великой французской революции, ставшей затем официальным гимном Франции (автор Клод Жозеф Руже де Лиль):

Aux armes, citoyens,
Formez vos bataillons,
Marchons, marchons!
Qu'un sang impur
Abreuve nos sillons!

Буквально припев можно перевести следующим образом: *К оружию, граждане, постройтесь в батальоны, идем, идем! Пусть нечистая кровь напоит борозды наших полей!*

Вместе с тем ключевой мотив восстания – устранение неравенства. Эта тема прямо выражена в тексте «Интернационала», партийного гимна коммунистов (автор Эжен Потье, автор перевода на русский – Аркадий Коц):

Вставай, проклятьем заклейменный,
Весь мир голодных и рабов!
Кипит наш разум возмущенный
И в смертный бой вести готов.
Весь мир насилья мы разроем
До основания, а затем
Мы наш, мы новый мир построим...
Кто был ничем, тот станет всем.
Это будет последний
И решительный бой:
С Интернационалом
Воспрянет род людской!

В дальнейшем этот текст подвергся незначительной модификации (пришлось пожертвовать рифмой: «разроем» поменяли на «разрушим», словосочетание в припеве «это будет» заменили на «это есть»). Исходные выражения *les damnés de la terre* и *les forçats de la faim* (проклятые землей и каторжники голода) были достаточно точно замещены при переводе на русский язык. Содержание подобных текстов построено на контрасте: унижение и страдание – борьба и победа. Этот контраст в «Интернационале» усилен ключевой строкой «Кто был ничем, тот станет всем». Говоря о последнем сражении, лирический герой показывает, что готов пойти на жертву ради светлого будущего.

Отметим, что нет песен о подавлении восстаний. Но были сложены песни о жертвах социального протеста. Примером такого текста является произведение Антона Архангельского:

Вы жертвою пали в борьбе роковой
Любви беззаветной к народу,

Вы отдали все, что могли, за него,
За честь его, жизнь и свободу!
...
Пусть деспот пирует в чертогах своих,
Тревогу вином заливая,
Но грозные буквы огнем на стене
Чертит уж рука роковая.
Падет произвол, и восстанет народ,
Великий, могучий, свободный...
Прощайте же, братья, вы честно прошли
Свой доблестный путь, благородный.

В приведенном тексте можно увидеть основной мотив восстания (честь и свобода), осознаваемый результат (самопожертвование) и перспективу (грядущее восстановление справедливости). Символика этого текста включает библейскую аллюзию – огненную надпись, появившуюся на стене во время пира вавилонского царя Валтасара и истолкованную пророком Даниилом как предупреждение о предстоящей гибели Вавилона.

Анализ текстов разных жанров показывает, что сюжет восстания включает три основных субъекта: угнетателя, угнетенного и наблюдателя. Соответственно, можно выделить три оценочные позиции применительно к этому событию. С позиций угнетателя неравенство есть основа порядка в обществе, оно обусловлено божественным провидением, происхождением людей, и поэтому любое посягательство на власть со стороны нижестоящих требует подавления. С позиций угнетенного неравенство должно быть устранено, поскольку существует высшая справедливость, поэтому угнетенные имеют право на восстание. Восстание может закончиться поражением либо победой, в первом случае угнетенный бывает наказан, во втором случае он становится господином либо попадает в зависимость от новой власти. С позиций наблюдателя восстание имеет объективные причины для возникновения, сопряжено с жестокостью и приводит к появлению нового неравенства.

Заключение

Понимание значимых событий в коллективном и индивидуальном языковом сознании может быть представлено в виде когнитивной матрицы, в которой заданы варианты развития соответствующего сюжета. Такие события представляют собой сценарные концепты (скрипты), включающие пять основных компонентов (аспектов рассмотрения): понятийный, образный, ценностный, дискурсивный и персональный.

Интерпретативная матрица восстания в понятийном аспекте является объяснением сути этого события как вооруженного социального

протеста и акцентирует его причины и типичные варианты развития (стихийное – подготовленное, мелкое – крупное, успешное – подавленное). Образно-перцептивный аспект осмысления восстания состоит в описании типичных ситуаций вооруженной борьбы восставших с представителями власти. Образно-метафорический аспект характеристики этих событий сводится преимущественно к огню (пожару). Опрос информантов свидетельствует о закреплённости в памяти эмблематических фигур – лидеров восстаний. Ценностный аспект понимания восстания заключается в выражении отношения к этому событию со стороны власти, угнетённых и наблюдателей. Представители власти опираются на утилитарные ценности получения пользы от своего положения, восставшие апеллируют к терминальным ценностям справедливости, чести и свободы, наблюдатели оценивают эти события с моральной точки зрения, констатируя жестокость участников восстаний и карателей и неизбежное возвращение к социальному неравенству. Дискурсивное воплощение сюжета «восстание» многообразно и представлено в обиходно-мемуарных, художественно-поэтических и научно-гуманитарных текстах. Осмысление восстаний насыщено символами.

Типажное моделирование субъектов восстаний может служить индикатором эпохи и ценностной картины мира того или иного социума.

Литература

1. *Пропи В.Я.* Морфология волшебной сказки. Л. : Academia, 1928. 152 с.
2. *Веселовский А.Н.* Историческая поэтика / ред., вступ. ст. и прим. В.М. Жирмунского. Л. : Худ. лит., 1940. 648 с.
3. *Силантьев И.В.* Поэтика мотива / отв. ред. Е.К. Ромодановская. М. : Языки славянской культуры, 2004. 296 с.
4. *Цилевич Л.М.* Об аспектах исследования сюжета // Вопросы сюжетосложения : сб. ст. Даугавпилс : Даугавпилсский пед. ин-т, 1978. Вып. 5. С. 3–7.
5. *Карасик В.И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград : Перемена, 2002. 477 с.
6. *Слышкин Г.Г.* Лингвокультурные концепты и метаконцепты. Волгоград : Перемена, 2004. 340 с.
7. *Воркачев С.Г.* Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки. 2001. № 1. С. 64–72.
8. *Демьянков В.З.* Понятие и концепт в художественной литературе и научном языке // Вопросы филологии. 2001. № 1. С. 35–47.
9. *Степанов Ю.С.* Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М. : Школа «Языки русской культуры», 1997. 824 с.
10. *Стернин И.А.* Описание концепта в лингвоконцептологии // Лингвоконцептология / науч. ред. И.А. Стернин. Воронеж : Истоки, 2008. Вып. 1. С. 8–20.
11. *Куссе Х.* Культуроведческая лингвистика. Введение / пер. с нем. Казань : Изд-во Казан. ун-та, 2016. 370 с.
12. *Тюпа В.И.* Дискурсивные формации: Очерки по компаративной риторике. М. : Языки славянской культуры, 2010. 320 с.
13. *Карпулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. М. : Наука, 1987. 264 с.

14. **Нерознак В.П.** Лингвистическая персонология: к определению статуса дисциплины // Сборник научных трудов Московского государственного лингвистического университета. Вып. № 426. Язык. Поэтика. Перевод. М., 1996. С. 112–116.
15. **Гришина Н.В.** Психология конфликта. 2-е изд. СПб.: Питер, 2008. 544 с.
16. **Карташов Я.П.** Конфликтология. М.: Лаборатория книги, 2010. 142 с.
17. **Черепанова Е.С.** Философия конфликта: учеб. пособие. М.: Флинта, 2017. 196 с.

Сведения об авторе:

Карасик Владимир Ильич, профессор, доктор филологических наук, профессор кафедры общего и русского языкознания Государственного института русского языка имени А.С. Пушкина (Москва, Россия). E-mail: vkarasik@yandex.ru

Поступила в редакцию 24 марта 2020 г.

UPRISING: INTERPRETATIVE SUBJECT PLOT MATRIX

Karasik V.I., D.Sc. (Philology), Professor of the Department of General and Russian Linguistics, Pushkin State Russian Language Institute (Moscow, Russia). E-mail: vkarasik@yandex.ru

DOI: 10.17223/19996195/50/4

Abstract. The paper deals with interpretative model of events on the material of the concept “uprising”. A cognitive matrix is an instrument of multidimensional description of dynamic phenomena in their notional, perceptive, evaluative, discursive and personal manifestation. Uprising is explained from a notional point of view as an armed mass protest against oppression and focuses on its causes, typical scenarios and types. Its perceptive images are situations of riots and fighting, its predominant metaphor is fire and its evaluative modes express different attitudes to the event from three main participant positions – oppressors, rebels and observers. Discursive manifestation of uprising is represented in memoirs, fiction and scholarly literature in history, sociology and politics. Poetic conceptualization of uprising is rich in symbols.

Keywords: cognitive matrix; interpretation; concept; notion; image; value; discourse.

References

1. Propp V.Ya. Morphology of a fairy tale. L.: Academia, 1928. 152 p.
2. Veselovsky A.N. Historical Poetics / Ed., Entry. article and notes by V.M. Zhirmunsky. L.: Fiction, 1940. 648 p.
3. Silantiev I.V. Poetics of motive / Ans. ed. E.K. Romodanovskaya. M.: Languages of Slavic culture, 2004.
4. Tsilevich L.M. On aspects of the study of the plot // Questions of plot composition: collection of articles. Issue 5. Daugavpils: Daugavpils Pedagogical Institute, 1978. pp. 3–7.
5. Karasik V.I. Language circle: personality, concepts, discourse. Volgograd: Change, 2002. 447 p.
6. Slyshkin G.G. Linguistic and cultural concepts and metaconcepts: a monograph. Volgograd: Change, 2004. 340 p.
7. Vorkachev S.G. Linguoculturology, linguistic personality, concept: the formation of an anthropocentric paradigm in linguistics // Philological Sciences. 2001. No 1. pp. 64–72.
8. Demyankov V.Z. The concept and concept in fiction and scientific language // Questions of Philology. 2001. No 1. pp. 35–47.
9. Stepanov Yu.S. Constants Dictionary of Russian culture. Research experience. M.: School “Languages of Russian Culture”, 1997. 824 p.
10. Sternin I.A. Description of the concept in linguoconceptology // Linguoconceptology. Issue 1. / Scientific. ed. I.A. Sternin. Voronezh: Sources, 2008. pp. 8–20.

11. Kousse H. Cultural Linguistics. Introduction / Per. with him. Kazan: Kazan Publishing House. University, 2016. 370 p.
12. Tyupa V.I. Discourse formations: Essays on comparative rhetoric. M.: Languages of Slavic culture, 2010. 320 p.
13. Karaulov Yu.N. Russian language and language personality. M.: Nauka, 1987. 264 p.
14. Neroznak V.P. Linguistic personology: to determine the status of discipline // Sat. scientific tr Mosk. state lingua un-that. Vol. 426. Language. Poetics. Transfer. M., 1996. pp. 112–116.
15. Grishina N.V. Psychology of conflict. 2nd ed. St. Petersburg: Peter, 2008. 554 p.
16. Kartashov I.P. Conflictology: a monograph. M.: Laboratory books, 2010. 142 p.
17. Cherepanova E.S. The philosophy of conflict: textbook. allowance. M.: FLINT, 2017. 196 p.

Received 24 March 2020